

100 ЛЕТ СМЕХА

Завтра великому актеру Игорю Ильинскому исполняется 100 лет. Мало кто знал, что любимец публики, комик, звезда немого кинематографа был театральным артистом-философом с мощнейшим диапазоном. Он — единственный молодой актер в труппе Мейерхольтца, которого мастер называл по имени-отчеству. Ильинский собрал все престижные звания и премии, существовавшие в Советском Союзе, и легко мог поставить на место любого министра, не обращая внимания на важный чин. В нем никогда не было высокомерия, и одновременно он создавал свою значительность.

Сегодня об Игоре Ильинском рассказывают коллеги, работавшие с ним на одной сцене, и он сам. *Маск. Комсо-Мелец. — 2001. — 23 июля. — 54.*

В медвежьей шкуре и желтых ботинках

«...В детстве меня часто водили в Большой и Малый театры. Из всего виденного мне больше всего понравился хор мальчиков в "Кармен" Бизе. Во время спектакля я даже начал из своей ложи кричать этим мальчикам. Но тут родители быстро подхватили меня и, под жизнерадостные выкрики, унесли из театра.

...Пережив столь сильные театральные впечатления, я решил открыть свой собственный театр. Я назвал его "Киу-Сиу", по имени одного из японских островов близ Формозы (нынешнего Тайваня). Этот театр должен был быть самым вздравдавшим. Поэтому я намалевал печатными буквами афиши: "Театр "Киу-Сиу" — билеты продаются", и хотел их развесить в передней и гостиной. Но мне это не разрешили, тогда я их в избытке расклеил в уборной. Я взял у матери портняжное колесико с зубчиками, которым проводил по синим и розовым листочкам-билеткам, добиваясь настоящей линии отрыва. Были даже номера у стульев. Театр просуществовал дватри дня. После чего копилка была разбита, а денег в ней оказалось — сорок семь копеек...

...Я играл в Детском театре медведя Балу в инсценировке "Маугли" по Кипплингу. Я залезал в медвежью шкуру, надевал медвежью полумаску, а вот на ногах у меня были обыкновенные черные ботинки, поскольку медвежью обувь мне не придумали. Это мне надоело, и однажды я пришел на спектакль в ярко-желтых шикарных ботинках. В антракте от юных зрителей пришла записка: "Милый Балу, мы уже несколько раз смотрим "Маугли". Нам очень нравится. Сегодня нравится больше всего. Ты играешь и чешешься очень хорошо, и у тебя новые ботинки. Поздравляем тебя с обновкой, они очень красивые, мы еще придем посмотреть тебя в этих ботинках".

...В фильме "Закройщик из Торжка" я играл роль незастейливого портного. Я ходил ловкой походкой на кривых ногах, в невысоких сапожках, в брюках галифе, в шляпе канотье и в детском галстучке. Для большего успеха картины были выпущены рекламные листовки, в которых о моем герое говорилось: "Красив и юн, не чужд культуры, диктатор в девичьих сердцах, есть что-то властное в натуре и мудрость скрытая в глазах".

...Когда я пришел в Малый театр, то один из "стариков" Малого сказал: "Ну, теперь, после поступления Ильинского, ждите приглашения в Малый

КАДР ИЗ ФИЛЬМА

Карандаша. Придет скоро и его очередь".

...По ходу фильма "Волга-Волга" я должен был прыгать с палубы парохода в воду. Мне было обидно отдавать этот выигрышный эпизод дублеру, поэтому я решил прыгать сам. Стоял ясный солнечный, но холодный день середины октября. Режиссер фильма Георгий Александров указал мне место на средней палубе, откуда я должен был прыгать. Недовольный этим, я сказал: "Уж лучше бы с капитанского мостика, это было бы позффектнее!" Не прошло и десяти минут, как Александров распространил слух, что я решил прыгать с верхней палубы. Все с удивлением спрашивали: "Неужели это правда, и он рискнет прыгнуть?" После такого поворота событий идти на попятную было трудно. В сапогах и с портфелем в руках я полез на верхнюю палубу... собрался с силами и прыгнул..."

Как Расплюев выплевывал карты изо рта...

Леонид Хейфиц:

— Про этого человека шла молва, что он совершает очень резкие и неожиданные поступки. У Ильинского были сложнейшие отношения с Малым театром: когда он был с чем-то не согласен, то просто уходил. Рассказывали, что иногда он мог уйти с репетиции, уехать к себе на дачу, и режиссер полз к его калитке и часами, сутками дожидался его в кустах, чтобы перехватить взгляд и понять, можно к нему зайти на дачу или нет.

В моем спектакле "Свадьба Кречинского" Ильинский играл Расплюева. В самом же начале репетиций я испытал жуткий кризис, еще тогда не осознавая, что вся моя работа оказалась на волоске, и связано это с Ильинским. Он играл шулера, и мы репетировали сцену, когда у него происходит неудача в игорном доме, и он, избитый, возвращается после картежной игры. Где-то на третьей репетиции Ильинский задал мне вопрос: "Где должны быть карты, которыми я играл?" В тот момент я решал более сложный вопрос, чем этот, технический, и я ответил: "Это мы потом решим, сейчас нужно более глобально думать". Ильинский тихим голосом говорит: "Нет-нет. Скажите, вот я в шубе вхожу... А карты где?"

Я пытался идти дальше, делать какие-то обходные маневры, но мы постоянно возвращались к вопросам: как на нем висит шуба и где находятся карты. По мере того как шла (или не шла) репетиция, я начинал чувствовать, что лечу в пропасть... Когда-то я читал о том, что в игорных домах России очень жестоко наказывали шулеров, и один из способов заключался в том, что загоняли кий в задний

проход. Но Ильинский же спрашивал не про бильярд, а про карты. И в последний момент я, ожесточившись, ответил: "Я могу вам сказать, где будут у вас карты. В горле!" Репетиция подошла к концу, и он так очень спокойно сказал: "Ну что ж, хорошо, я подумую".

На следующий день Ильинский на репетицию не явился. Мне сказали, что он болен, и я отнесся к этому совершенно нормально. Я не знал, что этот его неприход для театра был однозначным сигналом: "Ильинский прервал работу. Хейфиц не прошел". Уже потом мне объяснили, что вокруг меня образовалась пустота, и я был обречен. На третий день он появился на репетиции и сказал, что подумал, и ему кажется, что это очень интересно. С той минуты наша работа полетела куда-то вверх, и перед премьерой он сказал слова, для меня чрезвычайно дорогие, которые я помню до конца жизни: "Имейте в виду: если встанет вопрос о вашем приглашении в Малый театр на постоянную работу, то я проголосую за вас ногами". А во время спектакля он так и выходил на сцену, выплевывая карты изо рта...

Я был свидетелем ситуации, как вел себя Ильинский в кабинете министра культуры и кандидата в члены Политбюро Петра Нильча Демичева. Начиная какой-то кризисный момент в жизни Малого театра, и худсовет театра пригласили в высокий кабинет. Когда мы сели за длинный стол, вышколенные молодые люди в черных костюмах внесли чай и сушки — так было принято в высших эшелонах власти во время совещаний. И вдруг Игорь Владимирович, понимающий всю бессмысленность этого дела, сказал — так, что услышали все: "Ну что, выпьем чай и разоидемся?" Наступила напряженная тишина. Такой текст не позволил бы себе никто.

Однажды на худсовете обсуждали новый спектакль — предельно фальшивый, помпезный и воспитательный, связанный с героическими усилиями советских людей. Ильинский вошел в комнату, и, как обычно, его уже больные глаза стали искать свет. Его лицо всегда было повернуто в противоположную от всех сторону, к окну, откуда шло солнце. Он выступил первым: "По моему мнению, этот спектакль надо обязательно сохранить — так же долго, как сохраняются руины Сталинграда. Потому что он как раз является ярчайшим доказательством, что Малый театр — в руинах".

Но Ильинский не был диссидентом. Он пользовался фантастическим успехом у публики и в условиях Советского Союза находился, наверное, в самом привилегированном слое общества. Он был лауреатом всех премий, которые только были возможны в Союзе, жил в хорошей квартире, у него была персональная машина, красавица жена и сын, он любил спорт и выезжал за границу. Но это абсолютно не мешало ему очень трепетно относиться к профессии.

Эдуард Марцевич:

— Я помню, как на гастролях в Ленинграде он играл Фирса в "Вишневом саду". У него уже были проблемы со зрением, и во время спектакля ему расставляли фонарики — налево, направо, чтобы он по ним ориентировался. И в тот раз какой-то из них не загорелся. Ильинский потерял ориентацию и направился к яме, не видя ее. Тогда публика, которая его обожала, стала кричать: "Игорь Владимирович, Игорь Владимирович!..." Он очень переживал из-за этого, но без театра не мог обойтись и говорил администрации: "Если вы меня пошлете на пенсию, я умру в одиночестве".

Владимир КОТЫХОВ, Мария КОСТЮКЕВИЧ.